

А. В. Мертвищев

НАТУРАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

МОНОГРАФИЯ

Понятие и правовая природа натуральных обязательств

Обусловленность существования натуральных обязательств

Виды натуральных обязательств, отграничение натуральных обязательств от смежных правовых категорий

Предпосылки и основания возникновения натуральных обязательств

Изменение и прекращение натуральных обязательств

ПРОСПЕКТ

Антон Мертвищев

**Натуральные обязательства
в российском гражданском
праве. Монография**

«Проспект»

Мертвищев А. В.

Натуральные обязательства в российском гражданском праве.
Монография / А. В. Мертвищев — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-216494-3

Предлагаемая работа представляет собой комплексное теоретическое исследование обязательств, нарушение которых влечет возникновение охранительных правоотношений, не способных к принудительному осуществлению (натуральных обязательств). Рассматриваются понятие и признаки натуральных обязательств, причины и последствия лишения натуральных обязательств принудительной силы, вопросы динамики, а также допустимые способы обеспечения их исполнения. На основе анализа отечественных и зарубежных нормативных актов, а также практики их применения даны рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства в области регулирования натуральных обязательств. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, юристов, практикующих в сфере обязательственного права.

ISBN 978-5-39-216494-3

© Мертвищев А. В.
© Проспект

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I	9
РАЗДЕЛ 1	9
РАЗДЕЛ 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

А. В. Мертвищев
Натуральные обязательства в
российском гражданском праве
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Моей жене Ольге

ВВЕДЕНИЕ

Возможность реализации хозяйствующими субъектами принадлежащих им прав и их защиты – в случае нарушения – представляет собой необходимый атрибут любого развитого общества. Лишение же права на защиту является весьма серьезной мерой, применение которой должно быть осторожным и обоснованным, носить исключительный характер. В данной связи изучение конструкции натуральных обязательств представляется, безусловно, полезным: эффективное функционирование экономической системы невозможно без адекватного ее содержанию правового регулирования, наличия понятных и принимаемых участниками оборота правил поведения, а также без предсказуемости вариантов их применения и толкования уполномоченными государственными органами.

Выбор конкретных моделей правового регулирования общественных отношений непосредственно связан с определением их правовой природы. Законодательное закрепление правил, сформулированных без учета данного обстоятельства, чревато серьезными проблемами в процессе их реализации.

При этом уже в ближайшее время конструкция натуральных обязательств может быть закреплена законодательно. Концепцией развития гражданского законодательства, одобренной решением Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ от 07.10.2009^[1], а также проектом Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), отдельные положения которого уже стали законами^[2], предусматривается, в числе прочего, и дополнение ГК РФ общими положениями о натуральных обязательствах.

Как отмечает В. В. Витрянский, необходимость хотя бы минимального законодательного урегулирования натуральных обязательств обусловлена имеющимися в настоящее время практическими трудностями, начиная с вопроса об основаниях их возникновения и заканчивая способами обеспечения натуральных обязательств^[3].

Фрагментарное правовое регулирование при отсутствии в доктрине разработанной концепции натуральных обязательств создает неизбежные проблемы и в правоприменительной практике. Высшие суды неоднократно обращались к вопросам, касающимся применения норм, посвященных обязательствам, не подлежащим судебной защите (совместные постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», обзор Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам практики применения норм о зачете требований, акты Высшего Арбитражного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, касающиеся правовой природы расчетных форвардных контрактов, соглашений о выплате «гонораров успеха» и др.). Однако очевидно, что все существующие проблемы не были разрешены принятыми актами. Дальнейшее формирование единообразной практики должно положительно сказаться на стабильности оборота, а принятые разъяснения до внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство способны компенсировать отсутствие необходимого правового регулирования натуральных обязательств.

С политико-правовых позиций соответствующие ориентиры для законодателя и правоприменительных органов призвана предоставить юридическая наука. Однако, как это ни парадоксально, приходится констатировать, что институт натуральных обязательств, несмотря на солидную историю, является одним из наименее изученных в российском обязательственном праве.

В дореволюционной литературе натуральные обязательства рассматривались, главным образом, с исторической точки зрения, как категория римского частного права^[4]. В советский период они практически не упоминались, о натуральных обязательствах если и говорилось, то преимущественно в связи с проблемой существования субъективного права по истечении срока исковой давности^[5].

Современные исследователи при упоминании о неисковых обязательствах в контексте исследуемой ими специальной проблемы в основном ограничиваются кратким экскурсом в историю римского частного права, основываясь, главным образом, на материале, содержащемся в классических советских учебниках по римскому праву^[6], либо изложением позиции М. М. Агаркова по вопросу санкции в обязательстве^[7]. Комментаторы говорят о натуральных обязательствах как об обычном явлении, при этом не уделяя внимания ни объему, ни содержанию данного понятия^[8].

Следует отметить, что в отечественной науке в последнее время наблюдается повышение интереса к натуральным обязательствам, о чем свидетельствует появление работ, в том числе диссертационных, посвященных данной проблематике, однако их количество крайне невелико, комплексные исследования практически отсутствуют^[9].

При этом по-прежнему дискуссионными остаются вопросы о понятии, видах, правовом режиме натуральных обязательств – вопросы, имеющие принципиальное значение для установления признаков и юридических свойств данных отношений, определяющих их правовой режим и место в системе обязательств, ответы на которые необходимы для построения целостной концепции натуральных обязательств.

Необходимо отметить, что в современной цивилистической литературе достаточно распространено представление о натуральном обязательстве как конструкции не догматической, а исторической, нашедшей свое проявление в законодательстве лишь в немногочисленных институтах, развивающихся относительно самостоятельно, – исковой давности, алеаторных сделках.

В связи с этим вопрос о возможности формулирования общих положений о натуральных обязательствах зачастую даже не ставится. Признавая возможность существования обязательств, лишенных исковой силы, доктрина не объясняет причин утраты ими свойства принудительности.

В связи с актуализацией задачи выделения общих норм, регулирующих натуральные обязательства (вызванной осуществляемой реформой гражданского законодательства), внутренне согласованных, логически непротиворечивых, а также приемлемых с точки зрения юридической техники (кратких и емких), требует разрешения вопрос о построении «целостной» концепции, не ограничивающейся перечислением отдельных признаков различных случаев натуральных обязательств.

В предлагаемой работе предпринята попытка рассмотрения обозначенных вопросов. Хочется надеяться, что проведенное исследование послужит толчком к дальнейшей научной дискуссии, а сделанные выводы будут способствовать не только приведению в систему отдельных случаев натуральных обязательств, выделению общих положений, которые могут быть положены в основу концепции натурального обязательства, но и дальнейшему развитию общей теории обязательства.

Хотелось бы искренне поблагодарить Бронислава Мичиславовича Гонгало, Аркадия Викторовича Майфата, Михаила Федоровича Казанцева, Наталью Георгиевну Валееву, Аллу Юрьевну Якушеву, Наталью Александровну Новикову, Светлану Николаевну Веретенникову, Людмилу Анатольевну Бирюкову, Евгения Юрьевича Петрова, Виктора Александровича Запощенко, Рустэма Маратовича Жемалетдинова за помощь в работе над обозначенной темой,

поддержку, ценные советы и замечания, а также выразить признательность Ольге Сергеевне Гончаровой за помощь в публикации этой книги.

Глава I

ПОНЯТИЕ НАТУРАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

РАЗДЕЛ 1

Понятие и правовая природа натуральных обязательств

§ 1. Этимология понятия «натуральное обязательство».

Натуральные обязательства в римском частном праве

Термин «натуральное обязательство» является исключительно доктринальным – в российском гражданском законодательстве он никогда не использовался^[10].

Натуральными (от лат. *obligatio naturalis* – «естественное (природное) обязательство») традиционно называют обязательства, лишенные судебной защиты.

Обращаясь к вопросу этимологии термина «*obligatio naturalis*», необходимо оговориться, что его рассмотрение при помощи категорий современного права представляется не вполне корректным, хотя, пожалуй, и единственно возможным: предположить иное было бы трудно, учитывая, что система юридических понятий, современное юридическое мышление в целом основываются главным образом на конструкциях римского частного права. Абстрактные категориальные единицы аналитической юриспруденции, выведенные из казусов римского частного права средневековыми схоластами, потеряли для европейского юриста свою историчность. Поэтому использование при изучении категорий римского права конкретно-исторического метода представляется весьма проблематичным, так как для этого пришлось бы менять сам познавательный инструментарий. Кроме того, следует учитывать, что считающееся традиционным в настоящее время представление о натуральных обязательствах, основано не на оригинальных текстах, а на их значительно более поздних комментариях (каждый из которых был создан в конкретный исторический период, в рамках того или иного философского дискурса).

Термин «натуральное обязательство» этимологически связан с существовавшим в римском частном праве понятием права народов – *jus naturale* (*jus gentium*).

В зависимости от круга субъектов, на которых распространяло свое действие объективное право, римскими юристами классического периода выделялось *jus civile* (цивильное право или право римских граждан – *cives*) и *jus gentium* (право народов, общее для всех людей). Вместе с тем *jus civile* понималось так же и как позитивное, писаное право и противопоставлялось в этом смысле *jus gentium* – продукту естественного разума (*ratio naturalis*), «произведению философской мысли»^[11]. Общенародное право формировалось параллельно и во многом вопреки гражданскому праву на основании практики разрешения преторами гражданских споров, а также идей Сократа, Платона и Аристотеля (в форме, приданной им стоиками), которыми руководствовались юристы-комментаторы при освещении той или иной проблемы^[12]. Таким образом, в данном значении термины «*jus gentium*» и «*jus naturale*» обозначали одно и то же понятие^[13]. Лишь впоследствии в результате сближения систем гражданского права и права

народов^[14] *jus naturale* стало рассматриваться как право, общее для всех живых существ, – категория, однопорядковая с *jus civile* и *jus gentium*^[15].

Попытки объяснить природу натуральных обязательств путем простого отнесения их к той или иной системе права вряд ли перспективны, поскольку они не объясняют причин лишения этих обязательств исковой защиты. Однако связь вышеприведенной классификации и существовавшего в римском праве деления обязательств на гражданские, установленные претором, и натуральные более чем очевидна.

Лишь снабженные иском, т. е. защищенные государством (*civitas*), обязательства (*obligationes civiles*) считались в римском частном праве обязательствами в полном смысле этого слова^[16]. Только судебная защита субъективного права давала ему настоящую ценность и завершение.

С. А. Муромцев по этому поводу писал: «Воззрение римских юристов на этот предмет отличалось относительной грубостью. Они сводили всю сущность права, как такового, на судебный иск, которым оно защищалось... Они смотрели на право исключительно с практической... ремесленной точки зрения»^[17].

Считалось, что если обладателю права не принадлежит иск, то «это не есть право полное, совершенное, а или зачатки права или, наоборот, право замирающее»^[18]. Вместе с тем в римском праве возникло такое уникальное и парадоксальное (противоречащее самой сути римского права – права исков) явление, как натуральные обязательства.

Obligationes naturales появились как обязательства рабов и подвластных лиц, которые не были правосубъектны по *jus civile*^[19]. Взыскание с лица чужого права (даже в случае его последующего освобождения от власти домовладыки) в исковом порядке было невозможно, поэтому в республиканский период сделки с рабами признавались ничтожными. Однако недействительность соглашений с участием подвластных не соответствовала интересам домашних хозяйств^[20], и уже в период империи указанные соглашения приобрели юридическую силу, хотя и не были приравнены к гражданским или преторским договорам^[21].

По *jus gentium* рабы были субъектами прав, таким образом в качестве своеобразного оправдания участия подвластных лиц в хозяйственном обороте и была создана конструкция натурального обязательства – обязательства по естественному праву (согласно которому статус живого существа не играет никакой роли), действительного, но не имеющего такой же силы, как обязательство между римскими гражданами^[22].

Таким образом, справедливым представляется утверждение, что термин «*naturalis*» применялся в римском праве для обозначения «несовершенного права, в отрицательном и умаляющем смысле»^[23]. Следовательно, соответствующее значение придавалось и натуральным обязательствам.

Впоследствии конструкция натурального обязательства была использована римскими юристами применительно к отношениям иного свойства, в том числе и к гражданским обязательствам, по которым истек срок давности. Б. Боуффалл писал: «*Obligationes serviles* составляют первоначальные, настоящие так сказать *obligationes naturales* в римском праве, сила действия которых была распространена по аналогии на все другие подобные им по своему внутреннему строению и характеру отношения»^[24]. В связи с этим был актуализирован вопрос о правильности тезиса, согласно которому натуральные обязательства проистекают из естественного права.

При его рассмотрении представители немецкой исторической школы права, отмечая неразрывную связь и взаимное влияние систем римского права, указывали, что употребление термина «*obligationes naturales*» для обозначения правового основания правоотношения (т. е. как обязательств *juris gentium*) лишено практического смысла, поскольку натуральные обязательства в развитом римском праве есть не что иное, как все неисковые обязательства^[25].

Именно в таком виде понятие натуральных обязательств было воспринято европейским континентальным правом, так они определяются и отечественной цивилистической доктриной.

§ 2. «Негативистские» концепции натуральных обязательств

Obligationes naturales представляют собой гражданско-правовые обязательства. При этом указание на отраслевую принадлежность вовсе не является тавтологией, поскольку цивилистический по природе термин «обязательство» употребляется и для определения категорий иной отраслевой принадлежности (например, в налоговом праве)^[26].

Необходимо отметить, что в юридической литературе вплоть до XIX в. натуральные обязательства рассматривались «обособленно» от категории обязательства. Б. Боуффалл писал: «Исходный пункт всех теорий в этом периоде – не самостоятельное понятие обязательства вообще, а внешний признак *obligatio naturalis*: отсутствие иска»^[27].

Затем преобладающим стало мнение, согласно которому основанием для определения натурального обязательства может быть лишь понятие обязательства как такового – неполного, несовершенного, но обязательства. Именно такое определение встречается у немецких пандектистов Савиньи, Вебера, Пухты, Келлера, Бринца, Беккера, Дернбург, Кунце и др.^[28]

A priori восприняло данную концепцию большинство отечественных цивилистов как дореволюционного периода (К. Анненков, Н. Л. Дювернуа, В. И. Синайский и др.), так и советского времени (Б. Б. Черепяхин, Ю. К. Толстой, И. Б. Новицкий и др.).

Вместе с тем утверждение, что родовым для натурального обязательства является понятие «обязательство», вовсе не очевидно. Взятое в качестве исходного положение, согласно которому обязательством может быть названо лишь такое относительное правоотношение, требование из которого подлежит принудительному осуществлению, не предполагает возможности существования неисковых обязательств «по определению».

Впервые вопрос о том, что натуральные обязательства не входят в предмет гражданского права (и вообще не являются правоотношениями), был поднят во второй половине XIX в. Христианценом, Шейрлем, Ласковичем и Аккариа. Сформулированное ими учение не получило какого-либо специального названия в литературе, однако, учитывая его содержание, позволим себе назвать его «негативистским».

Противопоставление натуральных и гражданских обязательств в римском праве было совершенно очевидным и до этого, но оно оставалось без внимания. Причиной этому отчасти явилась полисистемность римского права, а отчасти – разночтения в толковании отдельных фрагментов Дигест (в некоторых местах натуральные обязательства были названы не *obligatio* – обязательство, а *debitum* – долг). Сторонники данной концепции полагали, что *obligationes naturales* не относятся к юридическим отношениям, они лишь по форме напоминают обязательства, но на самом деле таковыми не являются^[29].

Данная точка зрения спустя более полвека была поддержана М. М. Агарковым, хотя методологическая основа его теории была другая. Кратко ее можно охарактеризовать встречающейся практически во всех работах советских авторов, посвященных вопросу санкции в обязательстве, фразой В. И. Ленина: «... право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* (курсив мой. – А. М.) к соблюдению норм права»^[30]. Придерживаясь мнения о неюридическом свойстве обязательств, лишенных исковой защиты, М. М. Агарков говорил о них как о так называемых натуральных обязательствах, подчеркивая условность использования для определения данной конструкции термина «обязательство»^[31].

В несколько измененной, менее радикальной форме эта теория была изложена в работах Шванерта, Арндтса, Рика, Влассака, Перница. Они называли натуральные обязательства фактами, имеющими юридическое значение («полуюридическими отношениями»), состоящее в

том, что они могут являться достаточным основанием для самостоятельных юридических сделок, требующих для своего существования наличия обязательственного отношения (например, новация, зачет), особенность содержания которых состоит в том, что в них право требования не корреспондирует юридической обязанности^[32].

По всей видимости, аналогичной точки зрения придерживается Циммерманн, указывая, что натуральные обязательства не являются обязательствами, но влекут определенные юридические последствия^[33].

Во французской цивилистике была высказана точка зрения, согласно которой натуральное обязательство, не являясь по природе своей гражданско-правовым отношением, может стать таковым в силу произведенного по нему платежа^[34]. В. Голевинский, анализируя положения Code Civil, был еще более категоричен. Он называл естественными недействительные обязательства, подтвержденные или исполненные должником: «...таким образом, сглаживается различие между обязательствами, подлежащими уничтожению, и обязательствами вполне действительными»^[35].

Сходную позицию занимал О. С. Иоффе. Он полагал, что обязательство, в котором субъективное право лишается возможности принудительного осуществления, превращается в фактическое отношение^[36], которое при добровольном исполнении приобретает юридическую силу. Однако напрямую о возникновении обязательства ученый не говорил, называя фактическое отношение юридическим фактом, который наряду с исполнением парализует другой юридический факт – истечение давности^[37].

Имеет место и иное сочетание «крайних» точек зрения о природе натуральных обязательств.

Л. Ж. Морандьер указывал, что французская судебная практика в отличие от доктринального представления о натуральном обязательстве как о «подлинном обязательстве, лишенном по особым основаниям принудительной силы»^[38], признает в ряде случаев наличие натурального обязательства, «когда одно лицо обязывается перед другим или вносит ему денежную сумму не с дарственными намерениями, а с целью исполнения непреложного долга совести и чести»^[39]. В данном случае под натуральными понимаются не только юридические, но и моральные обязательства, а понятия «правоотношение» и «обязательство» находятся не в родовидовой связи, а лишь пересекаются.

Говоря о природе натуральных обязательств, необходимо упомянуть также о позиции А. Евецкого относительно области применения конструкции «естественных прав». Определяя их как права, существующие вопреки формализму позитивного права (в которых фактический, материальный титул не подкреплён формальным элементом), как права, происхождение которых не может быть доказано и осуществлено (что, в свою очередь, сближает его концепцию с мнением о «полуюридическом» характере натуральных обязательств)^[40], автор приходит к выводу о том, что естественные права «не есть специальный институт обязательственного права, но их применение более широкое, – они распространяются на всю обширную область гражданских правоотношений. Семейные, вещные и обязательственные отношения одинаково открыты для существования естественных правообязанностей». В качестве примера он приводил натуральный брак – сожительство^[41].

§ 3. Натуральные обязательства как гражданско-правовые отношения: обязательство и право на судебную защиту

Отстаивая точку зрения, согласно которой натуральные обязательства являются гражданско-правовыми отношениями, апеллировать, как это иногда делается^[42], к тому, что натуральные обязательства есть обязательства *ipso jure*, – в силу закона (коль скоро в положительном

законодательстве говорится об исполнении *обязательства*, по которому истек срок исковой давности, значит, нет оснований полагать, что натуральное обязательство не является обязательством) вряд ли корректно.

Сам по себе данный аргумент не может быть принят в качестве решающего довода. Как справедливо указывал М. М. Агарков, использование термина в специальном значении вполне допускается вне зависимости от того, обусловлено ли оно историческими, методологическими или какими-либо иными причинами^[43].

Для установления соотношения понятий «обязательство» и «натуральное обязательство» необходим анализ их содержания. Решение вопроса о том, относятся ли *obligationes naturales* к обязательствам, зависит от того, что понимать под последними. В данном случае принципиально важно, является ли право (правомочие) на судебную защиту конститутивным, определяющим признаком обязательственного правоотношения. Если оно является таковым, то позиция, согласно которой натуральное обязательство представляет собой обязательство, представляется весьма неубедительной с логической точки зрения.

Кроме того, признание обязательством правоотношения, в котором право требования не может быть принудительно осуществлено, казалось бы, ставит под сомнение один из главных признаков, отличающий право от иных социальных регуляторов, а именно: возможность защиты субъективного права при помощи уполномоченных органов государственной власти в случае его нарушения.

В отличие от субъекта вещных прав кредитор в обязательственном правоотношении не может опираться на владение («господства над вещью» у него нет), поэтому «главным орудием против неисправного должника служит иск»^[44]. Не случайно в римском праве термины *actio* и *obligatio* употреблялись как синонимы^[45], а право требования и в современной цивилистике нередко характеризуется как право принуждения^[46].

Однако римское частное право, породившее конструкцию натуральных обязательств, вполне допускало существование субъективного права, не обеспеченного судебной защитой, «голового» права (но права!) – *nudum jus*. Многие же современные правовые институты, априорно воспринявшие римские правовые институты, в том числе и институт *obligationes naturales*, такой возможности не предполагают. Б. Боуффалл писал: «Современное обязательство есть право кредитора против должника: в самом признании этого отношения правом лежит возможность принуждения: притязание и иск покрывают друг друга»^[47].

В связи с этим в цивилистической науке была актуализирована проблема сосуществования категорий, находящихся в состоянии противоречия: обязательств как правоотношений, в которых право требования может быть принудительно осуществлено, и натуральных обязательств, которые этим качеством не обладают.

Следовательно, для обоснования права натуральных обязательств на существование потребовались уже совершенно иные аргументы, например, соображения нравственности и справедливости.

Тем более показательно, что в российском праве проблема натуральных обязательств изначально была поставлена совершенно по-другому. В дореволюционной литературе о них говорилось, в основном, в связи с вопросом о судьбе субъективного права после истечения срока исковой давности. При этом отсутствие идущей из римского права законодательной традиции (в отличие, например, от французского права, в котором натуральные обязательства воспринимались как неотъемлемая часть правовой системы) привело к оживленной дискуссии, но не о природе натуральных обязательств, как в зарубежной цивилистике, а собственно об их наличии в отечественном праве. Так, И. Е. Энгельман, критикуя современные европейские законодательства и писателей, разграничивающих существование права и существование иска,

указывает, что их позиция не обязательна и не может быть принята во внимание при толковании статей русского права, выросших под другим влиянием^[48].

Ряд ученых придерживался позиции, согласно которой по истечении срока давности прекращается не только право на иск, но и само субъективное право.

Так Д. И. Мейер писал о том, что российскому праву понятие натуральных обязательств неизвестно, что для него являлось дополнительным аргументом в пользу тезиса о прекращении с истечением исковой давности самого субъективного права^[49].

Аналогичную точку зрения занимали К. А. Неволин^[50], Г. Ф. Шершеневич^[51], В. И. Синайский^[52], И. Е. Энгельман^[53].

Сюда же следует, по всей видимости, отнести и И. М. Тютрюмова. Указывая, что с истечением давности погашается право на иск, он отождествлял его с правом требования: «Нельзя, действительно, представить себе существования права, не охраняемого иском, как являющимся в материальном смысле составною частью самого права, заключающейся в присущей всякому праву возможности принудительного осуществления при посредстве суда»^[54]. Однако при этом он признавал существование натуральных обязательств, которые возможны и по истечении давностного срока, но лишь в качестве исключения из общего правила о погашении права^[55].

Другие, напротив, полагали, что погашение иска не означает прекращения права. Подобной точки зрения придерживались М. М. Винавер^[56], А. М. Гуляев^[57], Е. В. Васьковский^[58], И. А. Покровский^[59], Н. Л. Дювернуа^[60]. К данной группе следует отнести также К. П. Победоносцева. Отмечая, что российское законодательство не знает деления обязательств на гражданские и натуральные, он вместе с тем указывал, что уплата по неисковому обязательству не подлежит возврату, поскольку уплативший «сознал свое обязательство»^[61]. В проекте Гражданского уложения также было указано, что с истечением срока давности прекращается только право на иск.

По существу, речь шла о соотношении субъективного права и права на защиту. В качестве обоснования возможности существования неисковых обязательств право на судебную защиту определялось как самостоятельное охранительное гражданское право, утрата которого не влияет на содержание обязательства и как итог – на его (обязательства) принадлежность к гражданским правоотношениям.

Однако под влиянием сформулированного Виндшейдом учения о конкретном праве на иск как о праве на благоприятное судебное решение^[62] и в связи с провозглашением состязательности гражданского процесса и соответственно принципа формальной (а не объективной) истины^[63] цивилистическая теория отошла от взглядов, согласно которым принудительность рассматривалась как существенный признак, необходимое правомочие субъективного материального права. Дело в том, что, согласно данным воззрениям, наличие субъективного гражданского права само по себе не гарантировало его защиту в случае обращения в компетентные юрисдикционные органы^[64].

Таким образом, к началу XX в. точка зрения, согласно которой право на иск не является неотъемлемым атрибутом обязательства, начала преобладать в правовой доктрине стран континентальной Европы^[65], а натуральные обязательства стали рассматриваться не только как конструкция римского частного права, но и как явление правовой действительности.

Для советской правовой науки подобная постановка вопроса была совершенно неприемлема в силу господствовавших представлений о роли государства в механизме правового регулирования. Право на иск было особым свойством, элементом, правомочием, входящим

в состав субъективного права, его сущностью или даже самим правом – в его особом состоянии^[66].

Впервые в советском праве данная теория была сформулирована М. А. Гурвичем. Он писал: «... отношения, лишенные исковой силы, не являются правоотношениями; право, не способное перейти в состояние права на иск, не есть право»^[67].

При этом, хотя им самим и отрицалась существующая преемственность, по сути, он присоединился к точке зрения Унгера. Последний считал, что право на иск представляет собой само субъективное право, пришедшее в состояние «боевой готовности»^[68].

Признание права на иск конститутивным признаком обязательства неизбежно приводило авторов к выводу, что с истечением срока давности и прекращением права на иск прекращается и само обязательство. Из этого неизбежно следовало, что так называемые натуральные обязательства гражданско-правовыми обязательствами не являются.

Проблема заключалась в том, что, согласно советскому законодательству (ст. 47 ГК РСФСР 1922 г., а затем ст. 89 ГК РСФСР 1964 г.), исполненное за пределами сроков давности не подлежало возврату. Существовавшая при этом необходимость обоснования нормы закона (опирающейся на соответствующее положение ст. 117 проекта Гражданского уложения, создатели которого исходили из различия между правом на иск и субъективным правом)^[69] послужила причиной возникновения концепций достаточного основания^[70], «ослабленной» санкции в обязательстве^[71], права на получение исполнения вследствие совершения бывшим должником не запрещенного законом действия^[72], погашения срока давности добровольным исполнением^[73] и др.^[74], которые, при всей оригинальности, были весьма уязвимы в силу лежащего в их основе противоречия между методологическими и нормативными установками.

В. П. Грибанов справедливо отмечал, что сторонники точки зрения, согласно которой с истечением срока давности прекращается и само субъективное право, основываясь на той посылке, что санкция представляет собой неотъемлемый элемент субъективного права, испытывают трудности при объяснении тех оснований, по которым субъективное право вновь возникает у бывшего управомоченного лица при исполнении обязательства после истечения срока исковой давности^[75].

В этой связи куда более предпочтительной с методологической точки зрения представляется позиция Б. Б. Черепахина. Он указывал, что представление о значении принуждения для существования субъективных гражданских прав является «несколько упрощенным и чрезмерно обобщенным», поскольку отказывает в признании существования нескольких исключений из общего правила о принудительности гражданских прав^[76]. Что показательно, это простое и логичное объяснение приводилось еще Ф. К. Савиной^[77].

§ 4. Натуральные обязательства и теория охранительных отношений

В современной литературе идея о том, что субъективное право может существовать и при отсутствии возможности его защиты, получила новое развитие и весьма убедительное обоснование под влиянием теории охранительных правоотношений. Согласно этой теории, в соответствии с делением гражданско-правовых норм в зависимости от их функционального назначения на нормы регулятивного и охранительного воздействия, правоотношения подразделяются на формы обычной деятельности (регулятивные правоотношения) и формы разрешения конфликтов (охранительные правоотношения). Первые представляют собой юридическую форму нормальных, обычных социальных коммуникаций, тогда как охранительные правоотношения возникают в ситуации противоречия, конфликта, вызванного нарушением субъективных прав или законных интересов одного лица другим, являются правовой формой аномальных отношений^[78].

Не рассматривая в деталях концепцию охранительных обязательств, следует признать обоснованными ее положения, касающиеся самостоятельности этих правоотношений, которая обусловлена особенностями их возникновения (в основании охранительных отношений лежит особый юридический факт – неправомерные действия), содержания, способов реализации, а также целевой (функциональной) направленности.

Реализация охранительного правоотношения направлена на восстановление положения, которое существовало до момента нарушения, его цель заключается в защите нарушенного субъективного гражданского права. Своеобразие содержания охранительных обязательств состоит в том, что в случае нарушения регулятивного субъективного права возникают права и обязанности, не тождественные тем, которые существовали до момента правонарушения, а именно: право на защиту и корреспондирующая ему обязанность по восстановлению нарушенного права.

До момента нарушения возможность защиты гражданских прав абстрактна. Если она и существует, то не как субъективное право (правомочие), а как элемент правоспособности.

Таким образом, право на защиту, или притязание, рассматривается в данном случае не как правомочие субъективного права^[79] и не как само право в его особом, «боевом» состоянии^[80], а в качестве охранительного права требования, хотя и призванного опосредовать защиту регулятивного права, но входящего в содержание самостоятельного – охранительного – правоотношения^[81].

Регулятивное обязательство может быть исполнено только действиями должника (добровольно). Принципиальной особенностью охранительных правоотношений является возможность не только добровольной, но и принудительной реализации субъективного права кредитора по охранительному обязательству. Правовое принуждение применяется в целях защиты права в случае его нарушения, поэтому принуждение – это суть права на защиту (или иначе притязания)^[82]. Таким образом, говорить о принудительности субъективных прав можно лишь применительно к содержанию охранительных обязательств, регулятивные правоотношения свойством принудительности не обладают.

Для теории натуральных обязательств этот вывод имеет важнейшее значение. Поскольку защита субъективного регулятивного права лежит в плоскости не регулятивных, а охранительных правоотношений, наличие или отсутствие у кредитора права на защиту не влияет на наличие у него регулятивного права. Соответственно, отношения, в содержание которых входит право, не подлежащее защите (принудительному осуществлению), т. е. *obligationes naturales*, являются обязательствами.

Факт признания правопорядком натуральных обязательств в качестве правовых отношений подтверждается закреплением их оснований и предпосылок в правовых нормах. Само по себе указание в законе на то, что те или иные требования не подлежат судебной защите, принудительному осуществлению, означает, по крайней мере, возможность добровольного исполнения обязательства, т. е. фактически отсылает к общим положениям об обязательствах, что не может рассматриваться иначе как правовое регулирование.

Б. Б. Черепакхин писал: «Надлежит признать, что субъективное право не перестает существовать только из-за того, что оно потеряло свою принудительность. Необходимым условием бытия субъективного права при отпадении возможности принудительного осуществления является продолжающееся признание его существования государством, которое само по себе имеет первостепенное значение»^[83].

Обязательственно-правовая природа *obligationes naturales* означает необходимость применения при их регулировании положений раздела III ГК РФ («Общая часть обязательственного права»), за исключением случаев, когда иное не вытекает из природы натуральных обязательств.

Таким образом, единая правовая природа натуральных и исковых обязательств предопределяет их сходство. Основное же отличие проявляется в случае нарушения принадлежащего кредитору субъективного права, но проявляется в рамках уже другого – охранительного – правоотношения.

Несмотря на то что специфика *obligationes naturales* обнаруживается главным образом вне пределов их содержания, в качестве натурального должно быть определено именно *нарушенное регулятивное* обязательство, а не возникающее вследствие нарушения охранительное правоотношение.

Следует отметить, что ситуация, когда «действительная природа юридического отношения обнаруживается и определяется при посредстве последующего обязательства»^[84], сама по себе не является исключительной по отношению к натуральным обязательствам: точно так же можно, например, охарактеризовать альтернативные и факультативные обязательства.

Гораздо важнее другое. Специфика натуральных обязательств вовсе не исчерпывается особенностями защиты права из натурального обязательства при его нарушении. Она проявляется также при изменении, прекращении и обеспечении натурального обязательства^[85], т. е. именно нарушенного обязательства, а не возникшего в результате охранительного правоотношения.

Строго говоря, отсутствие свойства принудительности – это характеристика не натуральных обязательств, а возникающих в результате их нарушения охранительных правоотношений, однако для краткости представляется вполне допустимым обозначать как непринудительные (неисковые) и сами натуральные обязательства.

Разделение и даже противопоставление охранительных отношений, возникающих в связи с нарушением субъективного права, и натуральных обязательств могут привести к выводу о том, что натуральные обязательства представляют собой исключительно регулятивные правоотношения.

Например, М. П. Божко пишет: «Субъективное *регулятивное* (курсив мой. – А. М.) обязательственное право в равной степени принадлежит кредитору как в гражданском, так и в натуральном обязательстве»^[86].

Данная идея последовательно излагается в рамках предлагаемой автором концепции натуральных обязательств, однако она основывается на неоправданно узком определении охранительного правоотношения: М. П. Божко включает в его содержание только право на судебную защиту, тогда как все остальные субъективные права (в том числе право на самозащиту и право на применение мер оперативного воздействия), по его мнению, реализуются в регулятивном правоотношении.

С этим утверждением трудно согласиться. Правомочие на осуществление самостоятельных действий по защите права возникает, как и правомочие на судебную защиту, только в момент нарушения субъективного права. Точно так же оно связано с применением к должнику мер принуждения. При указанных условиях вряд ли можно рассматривать его как элемент регулятивного права.

С. В. Мусарский также полагает, что натуральное обязательство представляет собой особый вид регулятивного правоотношения^[87].

До данного момента также и в настоящей работе о натуральных обязательствах говорилось как о правоотношениях регулятивного типа, однако следует оговориться, что натуральными могут быть и охранительные обязательства.

Безусловно, большинство натуральных обязательств являются регулятивными обязательствами. Вместе с тем следует принимать во внимание, что охранительные отношения могут возникнуть в связи с нарушением не только регулятивного, но и охранительного правоотношения (поскольку нарушено может быть любое право, в том числе и право на защиту), в

котором на должника возлагается имущественная обязанность (уплатить неустойку, возместить убытки). Представляется, что если нарушение субъективного права влечет возложение на должника дополнительных обязанностей, меры принуждения применяются к нему в *самостоятельном* охранительном правоотношении. Например, неисполнение договора влечет возникновение двух охранительных правоотношений: в содержание первого входит право кредитора на применение к должнику мер принуждения к исполнению договора, второго – право на возмещение причиненных ему убытков. В случае неисполнения должником обязанности по возмещению убытков возникает новое, «субохранительное» правоотношение, в котором кредитор также может применить к должнику меры принуждения. Очевидно, что основанием его является нарушение не регулятивного права из договорного обязательства, а права на защиту^[88].

При этом требования, вытекающие из «субохранительного» правоотношения, также подлежат действию исковой давности, что не влияет на юридическую силу требований из первоначального охранительного отношения. Например, при нарушении договорного обязательства у должника возникает охранительная обязанность по уплате неустойки, а у кредитора – соответствующее право требования. Данное право он может реализовать в принудительном порядке, но лишь в пределах срока исковой давности. По истечении данного срока его обязательство по уплате неустойки становится натуральным, но не прекращается.

Ограничение возможности применения конструкции натуральных обязательств областью регулятивных обязательственных отношений не только не объясняет способность прав из охранительных отношений к «задавниванию», но и неизбежно приводит к выводу о том, что добровольное исполнение по обязательству, возникшему в связи с нарушением субъективного права, за пределами срока давности, будет являться неосновательным обогащением кредитора, что не вытекает из положений ст. 1109 ГК РФ.

Таким образом, натуральным может быть как регулятивное, так и охранительное обязательство, хотя и следует признать, что последний случай является исключением из общего правила. В связи с этим далее в работе о натуральных обязательствах будет говориться как о регулятивных обязательствах.

§ 5. Элементы натурального обязательства

Субъектами натуральных обязательств могут выступать в равной степени физические и юридические лица, публичные образования. Разумеется, при этом следует учитывать существо обязательства: например, вряд ли государство может выступать в качестве участника азартной игры.

При множественности лиц на стороне должника в натуральном обязательстве следует руководствоваться правилом, установленным п. 1 ст. 308 ГК РФ, согласно которому недействительность требований кредитора к одному из лиц, участвующих в обязательстве на стороне должника, равно как и истечение срока исковой давности по требованию к такому лицу, сами по себе не затрагивают его требований к остальным этим лицам.

Данной нормой урегулирован частный случай натуральных обязательств – применение исковой давности по обязательству с множественностью лиц, – но положения приведенной нормы могут быть использованы по аналогии и для других случаев натуральных обязательств.

При этом следует обратить внимание на то, что если в большинстве своем обязательства между кредитором и другими должниками также могут быть признаны натуральными, возможна и иная ситуация (например, когда одно из лиц, участвующих в игре, вовлечено в нее под влиянием угрозы – п. 1 ст. 1062 ГК РФ). Тем важнее процессуальное последствие указанной нормы: в случае неисполнения обязанности при множественности лиц на стороне должника, вопрос о том, является ли обязательство каждого из должников натуральным, должен рассматриваться судом индивидуально, и неисковой характер требований кредитора к одному из них не влияет на силу требований к другим должникам^[89].

Объектом натурального обязательства могут быть любые объекты гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Содержание натурального обязательства не отличается от содержания обязательства, обеспеченного иском. Обязанность должника может выражаться как в совершении положительных действий (обязательство *facere*), так и в воздержании от их совершения (обязательство *non facere*). Кредитору принадлежит право требования надлежащего исполнения должником его обязанности.

Говоря об элементах натуральных обязательств, необходимо также обратить внимание на то, что большинство обязательств являются двусторонне-обязывающими. Каждый из участников такого правоотношения выступает одновременно и в качестве должника, и в качестве кредитора. Невозможность принудительной реализации характеризует право требования, поэтому вполне возможна ситуация, при которой субъективное право одного участника обязательства будет непринудительным, тогда как право требования второго – исковым. Аналогичная ситуация имеет место, когда сторона по договору обладает рядом субъективных регулятивных прав, только часть из которых подлежат защите. Возникает вопрос: допустимо ли в данном случае говорить о существовании натурального обязательства?

Представляется, что при ответе на него необходимо руководствоваться следующим. Понятие обязательства употребляется в законодательстве и доктрине как в широком, так и в узком смысле. Под обязательством понимается не только сложное юридическое отношение между сторонами, состоящее из множества прав и обязанностей, но и конкретная правовая связь – относительное правоотношение («обязательственная связка»), в котором один участник (должник) обязан совершить в пользу другого участника (кредитора) определенное действие имущественного характера либо воздержаться от такого действия, а кредитор вправе требовать от должника исполнения его обязанности, т. е. отдельное требование кредитора с корреспондирующей ему обязанностью должника^[90]. Именно в таком значении понятие обязательства закреплено в гражданском законодательстве (ст. 307 ГК РФ).

Невозможность принудительного осуществления кредитором субъективного права в рамках охранительного правоотношения, возникающего в связи с нарушением натурального обязательства, проявляется именно в рамках этой простой обязательственно-правовой связки, т. е. понятие «обязательство» используется в данном случае в узком значении.

Иными словами, говоря о натуральных обязательствах как об обязательствах, в которых *право требования* не подлежит судебной защите, необходимо учитывать, что содержание такого обязательства ограничивается этим непринудительным требованием и корреспондирующей ему обязанностью.

С. В. Мусарский предлагает иное решение вышеуказанной проблемы. Он подразделяет натуральные обязательства на «полностью» и «частично» натуральные, определяя последние как сложные правоотношения, по которым некоторые права обладают защитой, а некоторые не обладают. «Частично» натуральные обязательства, в свою очередь, делятся на обязательства, по которым лишены защиты права одной из сторон обязательства, и на обязательства, по которым лишены защиты отдельные виды прав^[91].

Однако такой вывод достаточно спорен. Представляется, что обязательство, как правовое отношение, не может быть натуральным (равно как и несуществующим, альтернативным и пр.) только в части. В противном случае неясно, каким образом к такому отношению должны применяться нормы, регулирующие натуральные обязательства, а значит, такая юридическая конструкция не в состоянии разрешить имеющиеся практические проблемы, что вызывает сомнения в целесообразности ее выделения.

§ 6. Натуральные обязательства и обязательства, не подлежащие судебной защите

Обычно при характеристике натуральных обязательств говорится об отсутствии у кредитора права на судебную защиту, а если быть более точным – права на иск^[92]. Таким образом, *obligationes naturales* рассматриваются как неисковые обязательства.

При этом обычно каких-либо доводов в поддержку тезиса о тождественности понятий натурального и неискового обязательства не приводится, он принимается *a priori*, без должного догматического и доктринального обоснования. Вместе с тем использование понятия натурального обязательства в приведенном значении способно привести к серьезным концептуальным выводам.

В связи с изложенным в целях настоящего исследования представляется необходимым рассмотреть вопрос о соотношении понятий «натуральное обязательство», «исковое обязательство», а также «обязательство, не подлежащее судебной защите».

Обращаясь к данной проблеме, необходимо, во-первых, оговориться, что судебная защита права возможна не только в порядке искового производства, но и в иных предусмотренных законом формах, например путем выдачи судебного приказа^[93].

Во-вторых, она включает, помимо прочего, возможность заявления возражений^[94]. Такого права кредитор по натуральному обязательству также лишен: при заявлении должником требования, не связанного с возвратом уплаченного по натуральному обязательству, возражение, основывающееся на наличии между сторонами спора обязательственного отношения (например, о произведенном зачете)^[95], может быть парализовано, в свою очередь, доводом истца о том, что требование натурально.

Отсутствие у кредитора права на судебную защиту (при заявлении соответствующих возражений должником, его учредителями или участниками либо собственником его имущества – для унитарных предприятий) препятствует включению требований в реестр при банкротстве должника^[96], тогда как предъявление требований кредиторов, вступающих в дело о банкротстве (по крайней мере, если они не подтверждены судебным актом), безусловно, должно расцениваться как один из способов судебной защиты гражданских прав^[97].

Таким образом, понятия «натуральное обязательство» и «исковое обязательство» не равнозначны, кредитор по натуральному обязательству лишен не просто права на иск (в узком смысле), а права на судебную защиту в целом.

Это означает и то, что кредитору будет отказано не только в иске об исполнении натурального обязательства, но и в любом ином требовании, направленном на восстановление его имущественной сферы. В частности, он не правомочен потребовать от должника возмещения понесенных расходов при возложении исполнения обязательства на третьих лиц (ст. 397 ГК РФ), взыскания убытков за неисполнение обязанности в натуре (ст. 15, 396 ГК РФ).

Отождествлять натуральные обязательства и обязательства, не подлежащие судебной защите, было бы неправильно. Представляется, что такое определение существенно обедняет рассматриваемую правовую категорию и умаляет ее юридическое значение. Понятие натурального обязательства гораздо шире.

Государственное принуждение при осуществлении нарушенного права производится не столько судом, которой лишь подтверждает наличие субъективного права на защиту (если речь не идет о преобразовательном иске), сколько службой судебных приставов, которая к органам судебной власти не относится.

Это приводит исследователей к выводу о том, что право из натурального обязательства, не будучи снабженным судебной защитой, не может быть осуществлено принудительно ни на стадии судебного разбирательства, ни на стадии исполнения судебного акта, рассматривающихся в качестве этапов процесса реализации права на судебную защиту^[98].

Однако видится, что исполнительное производство не может быть названо стадией гражданского (арбитражного) процесса^[99]. Если говорить о реализации права на судебную защиту, когда службой судебных приставов осуществляется принудительное исполнение судебного решения, еще уместно, то в случае если исполнительное производство возбуждено при отсутствии стадии судебного рассмотрения спора на основании актов других юрисдикционных органов (нотариусов, судебных приставов-исполнителей и пр.), имеет место совершенно иная ситуация. При этом процедура принудительного исполнения актов судебных и несудебных органов не имеет каких-либо отличительных особенностей, в связи с чем объективные предпосылки для разграничения исполнительного производства как процесса, связанного с реализацией права на судебную защиту, и исполнительного производства, направленного на осуществление иных субъективных прав, отсутствуют.

Невозможность отнесения стадии исполнения судебного акта к гражданскому процессу означает, что понятия «право на судебную защиту» и «право на применение мер государственного принуждения» не равнозначны. Безусловно, право на обращение за защитой в суд является важным, но вовсе не единственным правомочием права на защиту. Оно во многом определяет свойство принудительности субъективного права, но не исчерпывает его.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что при нарушении права из натурального обязательства возникает охранительное правоотношение, в котором у кредитора отсутствует не просто право на судебную защиту, но право на применение *любых мер государственного принуждения* к должнику.

Следует отметить также, что и наличие права на судебную защиту не всегда обеспечивает государственное принуждение. Например, при вынесении «установительных» судебных решений (подробнее см. раздел 3 настоящей главы) следует говорить не о принуждении, а о властном признании права^[100].

Говоря о правовом принуждении, необходимо помнить, что оно возможно не только посредством обращения к уполномоченным государственным органам. Принудительное осуществление судебного акта может быть произведено, например, кредитной организацией или работодателем должника – физического лица (ст. 7, 9 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007)^[101].

Принуждение, как любое действие, ограничивающее свободу индивида^[102], может состоять также и в действиях самого кредитора. Квалифицирующим признаком принуждения является не характеристика субъекта, применяющего принуждение, а то, что отсутствие согласия правонарушителя на осуществление действий, направленных на восстановление нарушенного права, не принимается во внимание^[103].

В. П. Грибанов справедливо указывал: «...едва ли правильно сводить содержание права на защиту в материально-правовом смысле только к возможности обратиться с требованием защиты права к соответствующим государственным... органам. Право на защиту в его материально-правовом значении... представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия. При этом неправильно понимать ее только как приведение в действие аппарата государственного принуждения»^[104].

Право на применение мер государственного принуждения представляет собой лишь отдельное правомочие права на защиту^[105].

Способы реализации правомочий, позволяющих получить удовлетворение, помимо или даже против воли должника, во внесудебном, а если быть точнее, в неюрисдикционном порядке, немногочисленны (среди них можно назвать, например, бесспорное (безакцептное) списание денежных средств со счета должника, удержание его имущества, зачет права требо-

вания)^[106]. Однако их применение для кредитора может быть во многом более предпочтительным, чем даже обращение за защитой в судебные органы.

Как справедливо указывается в литературе, «государственная защита [прав] не исключает самостоятельных активных действий каждого по их защите всеми способами, не запрещенными законом. Такой подход расширяет возможности граждан, которые могут проявлять инициативу, расширять способы отстаивания своих прав»^[107].

Совершенно очевидно, что управомоченному лицу важен не способ получения удовлетворения, не сам факт обращения к суду или иному компетентному органу за защитой, а конечный результат – восстановление его нарушенной имущественной сферы, получение причитающегося по обязательству. Если данный результат достигнут, хотя бы и без обращения к соответствующим органам государственного принуждения, то право от этого не становится менее значимым, несовершенным, неполным.

§ 7. *Obligationes naturales* как непринудительные обязательства

При указанных обстоятельствах актуализируется вопрос: применимы ли к должнику по натуральному обязательству меры негосударственного правового принуждения?

В ситуации, когда судебный акт приводится в исполнение не службой судебных приставов, а иными субъектами принудительного исполнения, в том числе частными лицами, ответ на этот вопрос не вызывает особых затруднений. Традиционно считается, что указанные лица в данном случае выполняют публичную функцию, которая делегирована им законом, т. е. осуществляют государственное (публичное) принуждение, хотя и не являются органами власти.

Более сложен вопрос о допустимости применения мер принуждения к должнику самим кредитором. В праве отдельных зарубежных государств натуральные обязательства рассматриваются как обязательства, права требования по которым не могут быть осуществлены не только в судебном порядке, но вообще посредством применения мер правового принуждения.

Последовательно отстаивает идею о непринудительности натурального требования французская доктрина. М. Планиоль отмечал: «Естественные обязательства отличаются от гражданских тем, что кредитору не предоставлено *ни одно из средств понуждения* (курсив мой. – А. М.) против своего должника, способы принудительного исполнения, ни прямые, ни косвенные для него, безусловно, не существуют»^[108]. Указывая также на то, что римское право не вполне последовательно в соблюдении принципа невозможности принудительного исполнения по натуральному обязательству, он подчеркивал, что «ничего подобного французским правом не допускается»^[109].

Аналогично решается вопрос в законодательстве Нидерландов. Статья 3 книги 6 Гражданского кодекса Нидерландов определяет натуральное обязательство как обязательство, «вос-
требование которого в правовом порядке невозможно»^[110].

По немецкому праву заявление об истечении давности не просто уничтожает иск, но и лишает силы само притязание (право на защиту)^[111].

Упоминание о невозможности принудительного осуществления натурального обязательства при помощи способов неюрисдикционной формы защиты встречается в советском праве, но лишь применительно к обязательствам, по которым была применена исковая давность.

Б. Б. Черепяхин писал о невозможности принудительной защиты «задавненного» требования «любими дозволенными законом способами, хотя бы и без обращения к органам государства, например, путем зачета встречного однородного требования»^[112]. Он указывал: «Использование дозволенной самостоятельности при осуществлении права происходит также по инициативе лица, право которого нарушено, его односторонним актом, не нуждающимся в санкции со стороны должника. В таком смысле и в таких случаях право осуществляется при-

нудительно, хотя в основе такого принуждения лежит не индивидуально направленный акт управомоченного юрисдикционного органа, а общая нормативная санкция государства»^[113].

Аналогичного мнения придерживались М. П. Ринг^[114], М. Я. Лапиров-Скобло^[115], разделяет данную позицию и М. Я. Кириллова^[116].

Вместе с тем в российской литературе долгое время преобладала точка зрения, противоположная изложенной выше.

Еще А. М. Нолькен писал: «... по отношению к натуральным обязательствам вся защита интересов должника, признанная законодательством необходимою, ограничивается лишением кредитора права принуждать его к исполнению посредством иска, причем всякое другое средство добиваться своего удовлетворения считается законным и дозволенным»^[117].

В современной отечественной цивилистике также превалировало мнение, согласно которому односторонняя реализация прав кредитора по натуральному обязательству во внесудебном (неюрисдикционном) порядке вполне допустима.

Например, С. Н. Веретенникова, говоря о натуральных «задавненных» обязательствах в контексте рассмотрения вопроса о сроке существования права на самозащиту, указывала, что с истечением давности прекращается только право на судебную защиту, тогда как возможность реализовать свое право на защиту иными способами у лица сохраняется (хотя и оговаривается далее, что данное правовое регулирование небесспорно)^[118].

Т. А. Терещенко писала, что исковая давность распространяется только на право на иск, под которым понимается право на рассмотрение спора в юрисдикционном порядке^[119].

М. П. Божко также полагал, что кредитор по натуральному обязательству управомочен на реализацию своего имущественного интереса самостоятельными действиями^[120].

С. В. Мусарский считал возможной защиту прав по натуральному обязательству путем применения как мер фактического характера (напоминание о задолженности, обнародование сведений о долге и пр.), так и мер оперативного воздействия^[121].

Изложенная точка зрения, по всей видимости, основывалась на том, что гражданское законодательство до последнего времени не устанавливало в качестве общего правила запрет на одностороннюю реализацию прав кредитора по натуральному обязательству. Такой запрет содержался в Гражданском кодексе лишь в отношении частного случая осуществления права по натуральному обязательству помимо воли должника: в соответствии со ст. 411 ГК РФ не допускался зачет «задавненного» требования.

Данная норма рассматривалась сторонниками узкого понимания натурального обязательства как исключение из общего правила о возможности применения к должнику по натуральному обязательству мер оперативного воздействия^[122]. Кроме того, указывалось, что поскольку данное правило устанавливает юридический запрет, оно не подлежит расширительному толкованию^[123]. Дополнительным аргументом в поддержку этой точки зрения являлось и то, что ст. 1062 ГК РФ, посвященная требованиям из игр и пари, говорит только о невозможности их судебной защиты, не упоминая про другие способы реализации прав кредитора.

К сожалению, анализ судебной практики по спорам из обязательств по расчетным форвардным контрактам, до внесения изменений в ст. 1062 ГК РФ, придавших им исковую силу, не дает возможности сделать вывод о позиции судебных органов насчет возможности односторонней реализации кредитором своего требования по обязательствам, вытекающим из игр и пари. Вывод о возможности осуществления зачета также не очевиден, поскольку для расчетных форвардных контрактов зачет является не просто одним из общих способов прекращения правоотношения, но самой сущностью данного обязательства.

Вместе с тем возможность распространения положений ст. 411 ГК РФ, как на иные способы односторонней реализации права, так и на другие случаи натуральных обязательств, не

вызывает сомнений. Отсутствие законодательного регулирования в данном случае и ранее вряд ли можно было рассматривать как квалифицированное молчание законодателя. Учет интересов должника по «задавненному» требованию только в случае зачета требований не соответствует назначению и смыслу приведенной нормы, о чем совершенно справедливо указывалось Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства^[124].

Окончательно вопрос был решен с внесением изменений в ст. 199 ГК РФ Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ. Согласно новой редакции указанной нормы, устанавливается запрет односторонней реализации «задавненного» требования в качестве общего правила, а не только для зачета прав.

Полностью соглашаясь с данной новеллой, следует отметить, что формулировка п. 1 ст. 1062 ГК РФ («Требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите...») также должна быть скорректирована. Не случайно проект Гражданского уложения, в котором предполагалось распространить конструкцию натурального обязательства на отношения из игры, непосредственно предусматривал, что «долг, произошедший по игре или пари, не подлежит ни взысканию, ни зачету» (ст. 1000 кн. V)^[125].

Однако аналогичный результат может быть достигнут и путем судебного толкования.

Возможность распространения положений, содержащихся в нормах, посвященных «игровым» (невозможность судебной защиты притязаний) и «задавненным» обязательствам (лишение права и на иск, и на зачет) соответственно, на все способы односторонней реализации притязаний кредитора путем редукции (вывод от одного предмета ко всему классу) и индукции (вывод от нескольких предметов ко всему классу)^[126] можно объяснить следующим. Если кредитор обращается за защитой его нарушенных прав в суд, логично предположить, что иные способы защиты уже исчерпаны или изначально были недоступны для него, поскольку, в случае привлечения уполномоченных органов для защиты нарушенного субъективного права, процесс взыскания может быть более долгим и затратным для кредитора, нежели при получении им удовлетворения иными способами, не зависящими от воли должника^[127].

А. П. Вершинин справедливо указывает: «Применение... мер защиты вне юрисдикционных органов... упрощает и ускоряет процесс защиты субъективных прав»^[128].

Разумно ожидать от кредитора, что до обращения в суд он использует иные возможности, если они позволяют более быстро и дешево (как для самого лица, так и для государства) достичь необходимого результата – получения удовлетворения от должника.

Поскольку право должно стимулировать участников оборота к наиболее эффективным действиям, при конструировании правил о последствиях признания обязательства натуральным должна приниматься во внимание именно такая модель поведения кредитора. Таким образом, отказ в судебной защите (как последнего из имеющихся или единственного способа защиты) подразумевает, что иным образом интересы кредитора также не могут быть обеспечены.

Соответственно, можно говорить о том, что кредитор по натуральному обязательству лишен права на иск. Однако в данном случае право на иск (в материально-правовом значении) следует понимать в широком смысле: как правомочие осуществить субъективное право помимо или против воли другой стороны, т. е. в принудительном порядке^[129].

Таким образом, право из натурального обязательства не может быть осуществлено принудительно, причем независимо от формы (юрисдикционная или неюрисдикционная) и способа защиты, используемого управомоченным лицом.

Далее в работе, во многом чтобы избежать тавтологии, понятия неискового, непринудительного и натурального обязательства будут использоваться как равнозначные.

Завершая рассмотрение вопроса о понятии натурального обязательства, необходимо отметить, что Концепцией развития гражданского законодательства и разработанным на ее основе проектом изменений в Гражданский кодекс предполагается законодательное закрепление конструкции натурального обязательства, в связи с чем корректное словоупотребление термина «натуральное обязательство» может приобрести не только теоретическое, но и практическое значение.

При этом нужно принимать во внимание, что словосочетание «натуральное обязательство» нередко используется как в доктрине, так и в правоприменительной практике для обозначения обязанности предоставить кредитору определенное имущество либо совершить те или иные действия (т. е. обязательство, предусматривающее исполнение «в натуре»).

В этом смысле оно противопоставляется денежному (монетарному) обязательству, что может вызвать путаницу при использовании термина «натуральное обязательство». Именно такое значение придает словосочетанию «натуральное обязательство» любой практикующий юрист, прочно забывший о конструкциях римского права.

В литературе встречается мнение о том, что термин «натуральное обязательство» не может быть использован для определения обязательств, которые не снабжены иском. Категорически против его употребления (а тем более использования термина «естественное обязательство») высказывался И. Б. Новицкий, полагая, что в данном случае (учитывая противопоставление натуральных обязательств обязательствам исковым), с одной стороны, выхолащивается юридическая составляющая данного понятия, с другой – создается впечатление о «противоестественности» обязательств, снабженных судебной защитой^[130]. Ученый писал, что следует говорить об обязательствах с неполной санкцией, обязательствах неисковых, но не натуральных^[131].

Соглашаясь отчасти с приведенными доводами, вместе с тем хотелось бы отметить, что они тем не менее не являются достаточными для полного отказа при определении обязательств, не способных к принудительному осуществлению, от использования словосочетания «натуральное обязательство», традиционного как для отечественной цивилистики, так и для зарубежного права^[132].

Однако, учитывая многозначность термина «натуральное обязательство», представляется необходимым при закреплении конструкции натуральных обязательств в законодательстве дать определение данному понятию непосредственно в тексте Гражданского кодекса^[133].

Стоит отметить, что подобного подхода придерживаются и разработчики проекта изменений, которые предполагается внести в ГК РФ. Пункт первый ст. 308.3 проекта в предлагаемой редакции («Натуральные обязательства») гласит: «Натуральным признается обязательство, по которому требование кредитора не подлежит судебной защите».

Однако с учетом вышеизложенного представляется, что данное понятие должно быть скорректировано и изложено в более общем виде: «Натуральным признается обязательство, по которому требование кредитора не подлежит защите (принудительному осуществлению)».

Краткие выводы

Анализ существующих точек зрения на природу натуральных обязательств позволяет сделать следующие выводы.

Натуральные обязательства – это гражданско-правовые обязательства. Натуральными обязательствами могут быть как регулятивные, так и охранительные правоотношения. Родовая принадлежность натуральных обязательств определяет их правовой режим: на *obligationes naturales* распространяются общие положения ГК РФ об обязательствах, если иное не вытекает из их существа. Специфика натуральных обязательств, их отличие от обязательств, подлежа-

щих защите, проявляется, главным образом, в рамках охранительных правоотношений, возникающих в связи с их нарушением.

Возникнув как конструкция, созданная для обоснования возможности участия в гражданском обороте неправосубъектных лиц, натуральные обязательства в настоящее время рассматриваются как все обязательства, которые не подлежат судебной защите. Вместе с тем, телеологический и сравнительно-правовой анализ конструкции натурального обязательства позволяет утверждать, что такое определение является неоправданно узким: кредитор по натуральному обязательству лишен возможности реализовать свое субъективное право не только путем обращения в судебные и иные органы, но и посредством применения к должнику иных мер правового принуждения.

РАЗДЕЛ 2

Обусловленность существования натуральных обязательств

§ 1. Правовая природа натуральных обязательств:

обзор существующих концепций

Определение натуральных обязательств как обязательств, лишенных права на иск (в широком смысле слова), точно отражает их главный внешний признак. Однако содержательная характеристика в нем заменена формальной, критерии отнесения обязательств к числу натуральных не приводятся, а условия, в соответствии с которыми требование лишается принудительной силы, остаются неназванными.

В данном случае следствие заменяет собой причину, что некорректно ни с точки зрения формальной логики, ни с позиции юридической техники. Не стоит считать, что подобное положение дел – это редкость или исключение из правила, например в уголовном праве основанием для деления преступлений на виды в зависимости от степени тяжести (одна из важнейших классификаций) является не их общественная опасность, а размер наказания.

Однако указанная ситуация может повлечь необоснованное распространение конструкции натурального обязательства на отношения, имеющие иную правовую природу.

Сама по себе констатация факта невозможности защиты права недостаточна для установления места натуральных обязательств в системе гражданско-правовых отношений; для этого требуется критерий, объединяющий все случаи *obligationes naturales*, имманентное свойство, позволяющее говорить о них как об обязательствах *sui generis*.

В науке неоднократно предпринимались попытки определить данное свойство, однако чрезвычайно разнородные примеры натуральных обязательств зачастую приводили исследователей в лучшем случае к мысли, что все натуральные обязательства основываются на естественном праве, в худшем – к выводу о том, что признак объединения натуральных обязательств является произвольным, между ними отсутствует какая-либо связь, кроме той, что все они не снабжены иском. Так, по мнению Е. А. Суханова, натуральные обязательства не составляют особой подгруппы обязательств, а их обособление связано не с особым характером оснований их возникновения или их содержанием, а с отсутствием у них принудительной (исковой) защиты^[134].

Аналогичную точку зрения ранее высказывали Хек^[135], Машеляр, Беккер^[136], Виндшейд^[137]. Встречается она и в отечественной романистической литературе. Д. Азаревич писал: «Случаи естественных обязательств... нельзя вывести из общего какого-либо начала, каждый из них имел свое собственное основание, по которому жизненное отношение получило признание со стороны положительного права»^[138].

Такую постановку вопроса нельзя признать правильной. Попытки объяснения существования неисковых обязательств причинами субъективного свойства, будь то воля законодателя^[139] или историческая традиция, малопродуктивны, в первую очередь с точки зрения политики права. Вопрос же отнесения натуральных обязательств к обязательствам, основывающимся на естественном праве, заслуживает более пристального рассмотрения.

В литературе нередко указывается, что натуральные обязательства – это «обязательства совести»^[140], основанные на морали, «нравственных законах и чувстве приличия»^[141], «общественном долге и правилах общежития»^[142].

Л. В. Щенникова пишет: «Натуральные обязательства связывают гражданское право с моралью общества, поскольку возникают и исполняются они по долгу совести и вследствие стремления к справедливости»^[143]. Упоминает о натуральных обязательствах как о «долге чести» М. П. Божко^[144], Н. П. Василевская^[145].

Следует отметить, что подобные выводы имеют мало общего с тем значением, которое вкладывалось в понятие *obligationes naturales* в римском праве. Действительно, некоторые из натуральных обязательств проистекали из нравственного долга, но было бы преждевременно отождествлять их ввиду того, что основаниями других случаев *obligationes naturales* моральные обязанности вовсе не были. Так, вполне возможно, что первоначально признанный законом долг раба и рассматривался по традиции как *debitum naturale*, однако со временем (учитывая, что обязательства подвластных были, по всей видимости, достаточно распространены) ссылка на моральные нормы стала ненужной, в силу чего изменился и термин, которым обозначалось данное правоотношение. Д. Франчози пишет: «Раннее представление об *obligationes naturales*, о котором можно уверенно сказать, что оно появилось уже в классический период, состояло в том, что натуральные обязательства возникали в отношении лиц неправоеспособных, т. е. состоящих под властью третьего лица: дети, рабы... Постепенно в концепцию *obligatio naturalis* были включены разные обязанности нравственного и общественного свойства; именно отсюда римское право (очевидно, предклассического периода) позаимствовало свою казуистику»^[146].

При этом мораль и нравственность вряд ли могут быть признаны основаниями и современных натуральных обязательств (по крайней мере, по российскому праву).

Представление о натуральных обязательствах, как обязательствах *juris naturale*, появилось в процессе рецепции римского права европейскими государствами^[147] и впервые встречается у постглоссаторов.

Систематизирующая тенденция европейской юриспруденции сказывалась в том, что в любом правовом институте исследователи искали *locus* – фрагмент Дигест, который принимался за исходный пункт учения. Разработанная система знания позволяла принять за отправную точку более общую посылку, и в качестве таковой в конечном итоге была взята идея о том, что натуральные обязательства основаны на естественном праве, – праве справедливом, нравственном; праве, которое установил естественный разум для всех людей и народов, «закоме, лежащем в самой человеческой природе»^[148]. «Сведение юридических норм к общим принципам сопровождалось у юристов этой эпохи представлением об универсальном, абсолютном значении этих общих принципов, и таким образом в их учениях возрождались вера в естественное право»^[149].

Возникшая у постглоссаторов идея естественного права была воспринята юристами эпохи Ренессанса, что было во многом обусловлено реанимацией гуманистических идей древнегреческих философов, оказавших в свое время значительное влияние на развитие римского права. Понимая право исключительно как «постановление, предписывающее справедливое и запрещающее несправедливое», отрицая какое-либо значение юридической практики, искаженной «людской бессовестностью», юристы эпохи Возрождения искали основания права в началах нравственности, в «человеческом праве», о котором говорили древние философы^[150]. Дуарень указывал: «Для того чтобы определить, в каком случае и с какими именно гражданскими последствиями возникает *obligatio naturalis*, мы должны обратиться... главным образом к философии»^[151].

Затем данная идея стала основой естественно-правовой теории, широко распространенной в Европе в XVII–XVIII вв. Естественная философия права выступила антиподом прежним обоснованиям несправедливости, как своеобразный критерий по отношению к авторитету церкви (в связи с этим учение о натуральных обязательствах лишилось привнесен-

ного средневековыми схоластами богословского элемента)^[152] и закона^[153]. Законодательство, которое оказалось не способно решить поставленные новым временем задачи, оценивалось крайне негативно, поэтому неудивительно изменение отношения к юридической силе натуральных обязательств. Они понимались представителями естественной школы как обязанности, «которые покоятся на праве здравого разума»^[154]. Позитивное законодательство должно меняться, стремясь к идеалу – естественному праву, а *obligationes naturales*, как имеющие силу по праву натуральному, должны быть приняты во внимание судом при разрешении конкретного спора. Таким образом, натуральные обязательства имели полную юридическую силу и «исковой эффект», даже не будучи санкционированы положительным законодательством^[155].

Акценты в понимании натуральных обязательств были смещены под влиянием естественной философии. Данным термином теперь определялось явление совершенно иного порядка, нежели ранее, а натуральные обязательства, имеющие в силу предписания положительного закона ограниченный эффект, признавались *obligationes naturales* «в техническом смысле этого слова»^[156].

Более того, «распространение теории естественного права привело к смешению натуральных обязательств в римском значении этого слова с обязательствами нравственности, приличия и любви к ближнему...»^[157].

Впоследствии концепция натуральных обязательств, предложенная последователями естественно-правовой теории, была подвергнута развернутой критике со стороны представителей исторической школы права. Главным ее недостатком они полагали то, что историческое по сути явление было рассмотрено при помощи современных представлений о естественном праве (при этом представители исторической школы также полагали, что *jus gentium* основывается на *naturalis rationis* – присущем человеческой природе общем правосознании). Однако несмотря на это, она стала основой для крупнейших европейских кодификаций – Прусского гражданского уложения 1794 г. и Французского гражданского кодекса. М. М. Агарков писал: «Натуральное обязательство... особенно большую судебную практику и литературу имело во французском праве»^[158].

В середине XVIII в. Потье определил натуральное обязательство так: «Естественным обязательством является обязательство, которое пред *судом чести и совести* (курсив мой. – А. М.) обязывает заключившего его исполнить то, что оно содержит»^[159]. Данное определение было воспринято французской цивилистикой и до настоящего времени не потеряло своего значения. Указанной точки зрения (в трактовке трибуна Жобера) придерживались, вслед за Потье, такие авторитетные французские ученые, как Планиоль, Колэн, Капитан, Рипер^[160]. По всей видимости, к данной точке зрения склонялся и Е. Годэмэ^[161]. Р. Саватье также указывал, что натуральные обязательства – это моральные обязательства, к исполнению которых право не принуждает должника^[162].

Не будучи закрепленным в законодательстве, данное толкование тем не менее на многие годы определило отношение к натуральным обязательствам со стороны правоприменителя. Гуманистические идеи Просвещения стали своеобразным ориентиром для французской судебной практики. Конструкция натуральных обязательств широко использовалась судами при рассмотрении споров, вытекающих из нравственных обязательств, основанных на родстве (алименты, издержки на погребение), а также дел о взыскании долга из благодарности за оказанные услуги и пр.^[163]

Российским дореволюционным цивилистам, воспитанным на трудах немецких пандектистов, была чужда идея нравственного основания натуральных обязательств. Расцвет естественной философии пришелся на время, когда российская юридическая мысль находилась еще в зачаточном состоянии: немногочисленные работы, посвященные вопросам гражданского

права, выполненные под влиянием естественно-правовых идей, не оставили заметного следа в истории^[164]. Проблема натуральных обязательств была вовсе оставлена без внимания. Заслуживает упоминания, пожалуй, лишь указание Терлаичем в качестве одного из оснований прекращения личных (обязательственных) прав долговое неупотребление (просрочка или давность)^[165].

С сочувствием к идее нравственного основания натуральных обязательств относился, пожалуй, лишь Н. Л. Дювернуа, соглашаясь в целом с Г. Дернбургом в том, что натуральные обязательства – это отношения, с которыми гражданское общество считается по соображениям «доброй славы и меркантильного кредита», по чувству приличия и по требованиям нравов, но которым государство не решается дать полного признания исковых правоотношений по политическим основаниям^[166].

Любопытно, что из советских ученых наиболее близок к позиции французских цивилистов был М. М. Агарков, считающийся «одним из противников признания натуральных обязательств»^[167]. Его концепция «достаточного основания» исходила именно из того, что «... честное отношение к общественному долгу и уважение к правилам социалистического общежития могут требовать, чтобы имущество, переданное одним лицом другому, не могло быть истребовано обратно, хотя бы имущество и не перешло в качестве исполнения по существующему между этими лицами обязательству»^[168]. Таким образом, М. М. Агарков, придерживаясь мнения о неюридическом свойстве натуральных обязательств, в качестве оснований для их исполнения называл правила приличия и моральный долг (хотя и именовал их сообразно времени и политической ситуации).

Среди современных авторов, придерживающихся естественно-правовой концепции натуральных обязательств, следует назвать Л. В. Щенникову^[169] и А. В. Матина^[170]. Возвращение в отечественной литературе к такому пониманию натуральных обязательств вполне понятно: использование в качестве методологического основания юридического исследования естественно-правовой теории в настоящее время закономерно, учитывая общую демократизацию правовой системы, закрепление принципа непосредственного действия прав и свобод человека в международных правовых актах и в Конституции России.

Вместе с тем принятие принципов нравственности и справедливости за основание натуральных обязательств ставит под сомнение их юридическую сущность. Если общественное отношение регламентировано правом, то оно является правоотношением, и его нормативным основанием (предпосылкой) будет норма права, а не моральная норма. Если же о нормативном основании речи не идет, то отношение не может быть определено как обязательство.

Для полисистемного римского права или учений эпохи Просвещения, когда действующее законодательство вступало в противоречие с началами справедливости, разграничение соответственно гражданского и положительного права с правом естественным было обоснованным, но в настоящее время данное деление утратило свою актуальность.

Лишенные римского формализма современные правопорядки признают существование и действительность обязательств, основывающихся на началах справедливости, поскольку на указанных принципах базируется и само позитивное законодательство. Если обязательство не противоречит закону, хотя и не предусмотрено им, оно имеет полную силу. Таким образом, закрепление принципов естественного права в нормативных актах либо делает деление обязательств на естественные (основанные на справедливости) и гражданские (основанные на законе) не вполне корректным, поскольку парадигмальные основы современного права не допускают мысли о самой возможности существования «неправового» закона, либо приводит к выводу о том, что все обязательства, поскольку они а priori основаны на справедливости, являются натуральными. Подтверждением этому следует считать и появление в ГК РФ ст.

169, согласно которой несоответствие сделки требованиям морали (если быть точнее, основам нравственности) влечет ее недействительность^[171].

Obligationes naturales основаны на морали, нравственности, справедливости, доброй совести, как и обязательства, не являющиеся натуральными. Принцип добросовестности является одним из основных принципов гражданского права, и то обстоятельство, что натуральные обязательства – это обязательства «доброй совести», не позволяет обособить их от других частноправовых отношений.

Признание того, что обязательство, как правовое отношение, не может быть несправедливым и безнравственным (иначе как может оно называться правовым?) не позволяет в конечном итоге определить, на основании какого критерия разграничены иски и неиски, а значит, и не решает проблемы «отрицательного» (т. е. основанного на противопоставлении иском обязательствам) определения *obligationes naturales*^[172].

Нельзя не отметить также и то обстоятельство, что относимые к натуральным обязательствам из игр и пари никак не могут быть моральными, нравственными обязательствами^[173].

Отдельно следует отметить точку зрения К. Христиансена на правовую и социальную обусловленность натуральных обязательств. Он находил сходство всех *obligationes naturales*, «внутренний» критерий, отличающий их от иных обязательств, в том, что они имеют место при действиях, совершенных ошибочно, в состоянии заблуждения, то есть при действиях с пороком воли. Данная позиция нашла поддержку и в современной цивилистике.

А. Г. Федотов указывает, что при действиях неуправомоченных или не полностью дееспособных лиц, создававших в римском праве *obligationes naturales*, пороки воли были очевидны, а также, что они могут быть обнаружены и при рассмотрении других видов натуральных обязательств^[174].

Однако если с первым тезисом трудно не согласиться, то распространение предлагаемого критерия на иные случаи натуральных обязательств, называемые автором (неформальные договоры и «задавненные» обязательства), представляется необоснованным.

В частности, А. Г. Федотов предлагает рассматривать пропуск исковой давности как случай, при котором «бездействие лица порождает последствия, подобные дарению или прощению долга (т. е. прекращению существующего обязательства), на что лицо (кредитор) своей воли прямо не изъявляло»^[175].

Вместе с тем нетрудно заметить, что в данном случае причина подменяется следствием, а искомый внутренний критерий – лежащим на поверхности внешним признаком. Наступление для кредитора по «задавненному» требованию не желаемого им правового результата, а именно лишение его требования защиты, не может рассматриваться как основание для отнесения этих обязательств к натуральным.

С другой стороны, предложение рассматривать *obligationes naturales* как обязательства с пороком воли (в широком смысле этого слова), т. е. обязательства, содержание которых отличается от содержания, желаемого сторонами, заслуживает внимания.

В конечном итоге при заключении любого соглашения кредитор предполагает, что обязательство будет исполнено контрагентом надлежащим образом, тогда как в реальности этого может и не произойти. Однако это не означает, что любой договор содержит порок воли и не делает все обязательства натуральными. Заблуждение по поводу добровольного исполнения обязательства должником компенсируется возможностью принудительного осуществления принадлежащего кредитору притязания.

В натуральных обязательствах этот «компенсаторный» правовой механизм не срабатывает и исполнение обязательства полностью отдается на усмотрение должника. Полагать, что кредитор сознательно вступает в обязательство, не рассчитывая на получение удовлетворения, нет никаких оснований. Таким образом, натуральное обязательство действительно представ-

ляет собой «юридический результат» действий кредитора, который не соответствует его ожиданиям на получение удовлетворения.

Однако стоит оговориться, что стороны натурального обязательства заблуждаются не по поводу *его* содержания, а относительно содержания (или существования) *охранительного правоотношения*, которое возникнет в случае его (натурального обязательства) нарушения.

§ 2. Лишение права на защиту как публично-правовая санкция

Представляется, что безрезультатность попыток поиска универсального критерия отнесения тех или иных отношений к натуральным обязательствам была во многом обусловлена тем, что они осуществлялись в отрыве от разрешения вопроса о правовой природе лишения натуральных обязательств исковой силы.

Исключением является, пожалуй, диссертационное исследование С. В. Мусарского: непредоставление кредитору по натуральному обязательству права на иск рассматривается в данной работе в качестве *ограничения* права на судебную защиту^[176].

Однако в силу положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, право на судебную защиту может быть ограничено законом только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Автор рассматривает достаточно обширный перечень натуральных обязательств и не обнаруживает государственных и социальных интересов, заслуживающих учета. В связи с этим С. В. Мусарский приходит к заключению об отсутствии достаточных мотивов для отнесения всех этих отношений к *obligationes naturales*^[177].

С таким выводом трудно согласиться, потому что он противоречит истории и логике развития института натуральных обязательств. Поскольку приводимые аргументы в пользу отсутствия оснований для ограничения права на защиту представляются достаточно убедительными, видится, что ошибочность вышеприведенных умозаключений состоит в неправильной квалификации непредоставления права на защиту (ошибка в первоначальной посылке).

Непредоставление кредитору по натуральному обязательству возможности принудительного осуществления нарушенного права представляет собой не желаемое им, неблагоприятное, негативное для него правовое последствие и более всего напоминает санкцию.

Обычно понятие санкции употребляется в трех значениях. Во-первых, под санкцией понимается элемент правовой нормы, в которой законодатель устанавливает определенные юридические последствия ее несоблюдения. Во-вторых, это мера имущественных и иных невыгодных для лица последствий, которая применяется в случае совершения им противоправных действий. Наконец, санкция определяется как наступление неблагоприятных последствий для одного из участников правоотношения, т. е. результат применения мер правового воздействия^[178].

Несмотря на то что подобная правовая квалификация может показаться достаточно неожиданной, она вовсе не является новой. Еще Н. И. Бронштейн писал: «Встречаясь с теми или другими явлениями жизни, право может признать их желательными или нежелательными. В первом случае оно предоставит им полную свободу развития, во втором – употребит те или другие меры репрессии... самая мягкая мера гражданской репрессии... и есть натуральное обязательство»^[179].

В отличие от случая ограничения права санкция может быть применена к лицу только в случае нарушения им тех или иных юридических предписаний. Таким образом, если рассматривать лишение кредитора по натуральному обязательству права на принудительное осуществление его притязания как санкцию, то его причину следует искать в действиях самого кредитора.

Натуральные обязательства возникали в том случае, когда действия кредитора негативно оценивались правом порядком, рассматривались правом как нежелательные, хотя допускаемые кредитором нарушения закона и не были достаточно серьезны для того, чтобы полностью лишить юридической силы отношения, возникающие в результате их совершения.

Ю. С. Гамбаров указывал: «Между полной недействительностью и полной силой сделки стоят смягченные формы недействительности и ослабленной силы действительности, таковы, например, сделки, по которым не дается иска, но оставляется возможность осуществления другими способами юридической защиты»^[180].

Справедливость данного вывода наглядно подтверждается историей возникновения и развития института натуральных обязательств.

Как уже указывалось ранее, *obligationes naturales* появились как обязательства рабов и подвластных детей, т. е. неспособных лиц. Подвластные лица, выступая в обороте от имени господина (домовладыки), могли принять обязательство без его разрешения, злоупотребить предоставляемым им доверием. Римское право охраняло собственников от таких несанкционированных действий. Однако поскольку в правовом порядке воздействовать на неправо- субъектных лиц (рабов и детей) оно не могло, все негативные последствия ложились на их неосмотрительного контрагента. Сделки рабов и подвластных детей вплоть до классического периода вообще не признавались правом, а затем, если и допускались, то либо в качестве редких исключений, либо как основания «полудействительных» натуральных обязательств – но уже обязательств не господина или домовладыки, а самих подвластных лиц^[181].

Отсутствие иска по требованиям, вытекающим из пактов (неформальных соглашений), традиционно объясняется крайним формализмом древнего римского права, направленным на обеспечение стабильности, «правильности и устойчивости» гражданского оборота^[182]. Цивильное право негативно оценивало заключение договора в упрощенной форме, поскольку этими действиями подрывался установленный порядок, что и влекло непредоставление кредитором иска по такому обязательству. Римское *pactum nudum*, соглашение, не являющееся одним из гражданских контрактов классической эпохи, не снабженное в связи с этим иском (преторский эдикт давал *pactum nudum* лишь эксцепцию), однако не лишенное юридического значения, большинством исследователей называется в качестве одного из случаев натуральных обязательств. На это указывали, в частности, Машеляр, Ван-Веттер, Вебер, Хельманн^[183], Савиньи^[184], Дербург^[185], Голевинский^[186], Азаревич^[187].

Что примечательно, в законодательстве ряда зарубежных стран в отличие от российского права сделки несовершеннолетних, совершенные без согласия их законных представителей, а также неформальные договоры и в настоящее время признаются основаниями натуральных обязательств^[188].

На первый взгляд заключение договора с несовершеннолетним или несоблюдение установленной законом формы не может считаться чем-то предосудительным или нежелательным. Принцип равенства субъектов гражданского права является одним из основополагающих, поэтому положение контрагентов несовершеннолетнего и совершеннолетнего лица не должны отличаться. Излишний формализм объективно препятствует развитию оборота, «выражая собой некоторую неразвитость мысли»^[189], в силу чего лишение иска притязаний из неформальных договоров может показаться излишне строгим. Кроме того, в приведенных случаях права должника могут и не нарушаться.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что одной из целей правового регулирования является защита интересов «слабого» участника отношения, не обладающего должным уровнем опытности и юридической грамотности. Именно этим следует объяснить то, что в определенных случаях контрагенту такой «слабой» стороны законом предписывается указы-

вать в письменном документе все условия обязательства, а иногда и обеспечивать нотариальное удостоверение сделки.

В первом случае это делается для того, чтобы «слабая» сторона могла, не обращаясь к тексту закона, определить свои права и обязанности, во втором – чтобы законность сделки могла быть проверена уполномоченным лицом.

При наличии сомнений в возрасте контрагента, лицо, действующее разумно и осмотрительно, должно либо убедиться в его полной дееспособности либо при необходимости получить согласие его законного представителя, который должен проверить выгодность условий сделки для его подопечного.

Установление данных правил позволяет осуществить *ex ante* (предварительный) контроль договорных условий и способствует обеспечению справедливости в отношениях сторон с неравными возможностями. Их несоблюдение создает угрозу включения в договор несправедливых условий и в связи с этим, разумеется, является нежелательным с политико-правовой точки зрения.

Мысль о том, что причиной лишения требований из натуральных обязательств принудительной силы является неодобрение со стороны правопорядка действий кредитора по таким обязательствам, подтверждается и на примере «задавленных» требований.

В литературе указывается, что установление норм об исковой давности имеет целью устранение проблем, связанных с доказыванием в случае инициирования спора спустя значительное время после нарушения права. Европейский Суд по правам человека так охарактеризовал назначение исковой давности: «... сроки давности устанавливаются в целях достижения правовой защищенности, поскольку право на защиту своих прав в суде было бы скомпрометировано, если бы суды выносили решения, основываясь на неполной в силу истекшего времени доказательственной базе»^[190].

Кроме того, исковая давность стимулирует участников гражданско-правовых отношений к своевременному осуществлению принадлежащих им прав, что исключает состояние неопределенности, и, следовательно, укрепляет оборот^[191].

Однако нетрудно заметить, что общепреventивная цель института исковой давности (дисциплинирование и стимулирование хозяйствующих субъектов) не может реализоваться иначе, как путем «наказания» кредитора за «нерадение» по отношению к собственным интересам^[192] (частная превенция).

Таким образом, стремление законодателя к обеспечению справедливости судебного разбирательства и укреплению гражданского оборота объясняет признание нежелательными действий, связанных с несвоевременной реализацией права на защиту, и установление санкции за их совершение.

Непредоставление кредитору по «игровым» обязательствам права на принудительное осуществление принадлежащего ему притязания также связано с негативной оценкой действий, связанных с участием в игре (пари). Лишение исковой защиты требований из игры обычно объясняется отсутствием «серьезности в их содержании и ничтожности интереса, представляемого ими для жизни общества»^[193], отсутствием у азартных игр «общепользуемой цели»^[194], отрицательным отношением «современного общества к нетрудовым способам обогащения»^[195]. Н. П. Василевская напрямую пишет об обязательствах из игры как об отношениях, не соответствующих требованиям публичного порядка^[196]. Следовательно, неодобрительное отношение правопорядка к отдельным видам игр и пари налицо.

Высказанный выше тезис о причинах лишения *obligationes naturales* принудительной силы без труда может быть доказан и на других примерах обязательств, признаваемых натуральными, как в римском праве, так и в зарубежном законодательстве.

Его справедливость подтверждается также нормами действующего российского права. По общему правилу, сделка, не соответствующая закону или иным правовым актам, является оспоримой (ст. 168 ГК РФ). Однако непосредственно в ст. 168 ГК РФ названы два исключения: первое – если она посягает на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц (в указанном случае сделка ничтожна), второе – если законом предусмотрены иные последствия нарушения.

Один из примеров таких «иных» последствий содержится в ст. 1062 ГК РФ, регулирующей отношения, возникающие в связи с участием в игре (пари). В соответствии с пунктом первым указанной нормы организация игры (пари) лицом, не имеющим соответствующего разрешения, или участие в такой азартной игре влечет невозможность осуществления кредитором по обязательству принадлежащего ему права в принудительном (судебном) порядке.

В целях настоящего исследования представляется необходимым определить правовую природу такой санкции, как непредоставление кредитору права на иск.

По содержанию, т. е. в зависимости от характера воздействия на правонарушителя, санкции принято подразделять на имущественные и неимущественные. В результате лишения права на иск дополнительных имущественных обременений у нарушителя не возникает, непосредственного лишения его каких-либо материальных благ также не происходит. Это позволяет рассматривать данную санкцию как неимущественную, хотя, в конечном итоге, вследствие ее применения кредитор лишается возможности получения причитающегося ему по обязательству. Таким образом, эта мера принуждения влияет на имущественную сферу нарушителя опосредованно.

Важнейшей классификацией юридических санкций является их деление на меры защиты (восстановительные санкции) и меры ответственности (штрафные санкции)^[197].

Меры защиты, как и меры ответственности, представляют собой неблагоприятные для правонарушителя последствия организационного и (или) имущественного характера. Отличаются они тем, что меры защиты не связаны с осуждением правонарушителя (тогда как осуждение – главный признак ответственности)^[198], а их цель – восстановление благ управомоченного лица или восстановление правопорядка.

Осуждение кредитора не сопутствует признанию обязательства натуральным, применение соответствующих мер принуждения направлено лишь на стимулирование участников оборота к определенным моделям поведения. Таким образом, лишение его права на применение к должнику мер принудительного воздействия представляет собой меру защиты.

В зависимости от объекта, на защиту которого направлена их реализация, меры защиты подразделяются на меры защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов и меры защиты правопорядка^[199].

Под правопорядком в литературе понимается «состояние упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований... законности»^[200], «степень законности, демократичности общественного и государственного устройства»^[201], т. е. реализованная, фактически осуществленная законность.

Поскольку субъективные права и обязанности входят в содержание правоотношений, а правоотношения составляют правопорядок, то при нарушении субъективного гражданского права в любом случае осуществляется косвенное нарушение правопорядка. Вместе с тем возможна ситуация, при которой действиями лица не нарушаются субъективные права, но оказывается непосредственное отрицательное воздействие на правопорядок.

Как уже указывалось ранее, при совершении кредитором действий, влекущих возникновение натуральных обязательств, права должника не нарушаются. Однако его поведение в целом для социума является нежелательным, оно не соответствует моделям нормального

поведения. Стремление законодателя к максимально возможному уменьшению числа соответствующих действий участников гражданско-правовых отношений проявляется в установлении санкций за их совершение.

На основании изложенного следует сделать вывод, что в рассматриваемом случае применяемые к нарушителю (кредитору) меры являются мерами защиты правопорядка.

Меры защиты правопорядка устанавливаются в целях обеспечения интересов всего общества, но условия и порядок применения данных санкций позволяют достичь их сочетания с интересами нарушителя (кредитора), которые также не остаются без внимания. В первую очередь это обеспечивается особым механизмом лишения его права на защиту, который не запускается автоматически (*ipso jure* – в силу закона). Предусмотренная мера принуждения реализуется только по воле обязанного лица. В соответствии с п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению. Признание обязательства натуральным означает, что право на защиту может быть осуществлено кредитором только по воле должника^[202].

Таким образом, меры принуждения носят в данном случае «мягкий» характер. Кроме того, обеспечение интересов кредитора достигается путем признания за *obligationes naturales* силы обязательства, и как следствие, установления запрета на истребование уплаченного.

§ 3. Натуральные обязательства как средство придания юридической силы отношениям, ранее не признаваемым правопорядком

Лишение кредитора по натуральному обязательству права на защиту представляет собой санкцию за неодобряемые правопорядком действия. Однако это только одна и представляется не самая значимая характеристика натуральных обязательств. Гораздо более важно то, что в целом ряде случаев натуральные обязательства возникали как способ «легализации» отношений, ранее не признаваемых правопорядком. В этом смысле они, безусловно, направлены на защиту прав кредитора – слабой стороны обязательства.

Конструкция натуральных обязательств находит свое применение в случаях, когда отказ в юридическом признании тех или иных действий, неодобряемых со стороны правопорядка, перестает устраивать оборот.

Именно так появились первые *obligationes naturales* – обязательства рабов и лиц, подчиненных отеческой власти.

Б. Боуффалл писал: «История признания за обязательствами рабов известной юридической силы показывает, как долго и как упорно римская юриспруденция держалась начал, выработанных еще формальным гражданским правом, и как только под давлением насущных потребностей нового гражданского оборота она решилась признать в их основании настоящее *vinculum juris*»^[203] (правовые узы).

Развитие торговли привело к невозможности совершения всех сделок лично домовладыкой. Для обеспечения экономических интересов домашних хозяйств необходимо было предоставить более широкие возможности лицам чужого права – рабам и пупиллам. Поскольку формализм старого гражданского права не соответствовал изменившимся экономическим условиям, для обоснования юридической силы таких отношений была использована категория *jus naturale*.

О. С. Иоффе писал: «Необходимо было, выработать такой критерий, который мог бы явиться вполне пригодным средством не только для истолкования и изменения действующих правовых норм, но и для разработки новых правовых положений, для образования новых правовых норм и институтов. Такими критериями явились понятия *aequitas* и *jus naturale*, позволившие римским юристам, ссылаясь на требования справедливости и естественного права, добиваться

изменения положительного законодательства и утверждения новых правил и форм регулирования отношений частного оборота»^[204].

Отличительными особенностями римского частного права были его преемственность, даже консерватизм, и одновременно с тем гибкость, способность откликаться на запросы оборота. Есть все основания полагать, что именно это сочетание и пробудило к жизни институт *obligationes naturales*. Вместе с тем создание конструкции натуральных обязательств – это все же нечто большее, нежели просто оригинальное решение существующей практической проблемы. Признав юридическую силу за обязательствами, несовершенными с точки зрения формы и субъектного состава, римские юристы вышли за пределы собственного представления об обязательствах. Не случайно натуральные обязательства были названы в литературе «одним из самых важных созданий юридического гения в древности, одним из самых изящных и самых величественных явлений на мировой сцене античной юридической жизни»^[205].

Таким образом, конструкция натуральных обязательств позволила придать отношениям, первоначально не признаваемым позитивным правом, юридическое значение (главным образом для легализации действий по их исполнению).

Данный вывод подтверждается также историей изменения в регулировании обязательств из неформальных сделок: от отказа в признании юридической силы за возникавшими в результате их совершения отношениями, через признание этих отношений натуральными обязательствами (в римском праве и законодательстве ряда зарубежных стран), к установлению в большинстве современных правопорядков такого их последствия, как невозможность ссылаться на свидетельские показания в доказательство их совершения. Похожий путь проходят обязательства из соглашений об установлении «гонораров успеха»^[206].

Однако наиболее ярким примером справедливости высказанного тезиса является развитие правового регулирования обязательств из игр и пари.

Римское частное право не относило обязательства из игры к числу натуральных. Алеаторные сделки считались в Риме недействительными (ответчику давалась эксцепция против иска кредитора об уплате долга), а уплаченное по игре могло быть истребовано обратно, причем при нежелании проигравшего вернуть уплаченное это могла сделать община или казна^[207]. Азартные игры были запрещены под страхом весьма сурового наказания. Разрешались только пари, заключаемые во время атлетических соревнований^[208].

Аналогичная квалификация игр и пари характерна в целом и для зарубежного права^[209]. Однако если, например, в Германском гражданском уложении применительно к играм и пари непосредственно указывается, что в данном случае обязательство не возникает (§ 762), то в других правопорядках данный вопрос урегулирован несколько иначе.

В частности, Code Civil говорит о непредоставлении иска о взыскании долга, возникшего из игры (ст. 1965)^[210], что позволяет предположить, что в данном случае речь идет именно о натуральном обязательстве.

Подобная квалификация до настоящего времени не признается бесспорной. Определение натурального обязательства во французской цивилистике как обязательства «чести и совести» ставит под сомнение возможность отнесения рискованных сделок к основаниям *obligationes naturales*.

В. И. Голевинский писал о том, что они являются безнравственными и запрещенными законом и поэтому не могут быть «исцелены» исполнением^[211].

М. Планиоль, настаивая на том, что естественное обязательство проистекает из морального долга, допускал возможность возникновения натуральных обязательств из недействительных договоров, но лишь в том случае, если последние не противоречат началам нравственности^[212].

Е. Годэмэ, признавая за натуральными обязательствами статус средства юридического прогресса и морализации права, утверждал, что игра натурального обязательства не вызывает. В данном случае возврат исполненного по долгу не допускается по другой причине: в силу того, что «обе стороны совершают безнравственное дело»^[213].

Р. Саватье, напротив, указывая на ничтожность договоров об уплате денег как долга из азартной игры, полагал, что обязательства из азартной игры являются натуральными и продолжают существовать как моральный долг, несмотря на то что право в данном случае не принуждает должника к исполнению натурального обязательства, так как оно является результатом признания ничтожности договора^[214].

Такие рассуждения могут показаться внутренне несогласованными. Однако учитывая достаточно специфичное отношение французского права к юридической составляющей натуральных обязательств, представляется, что противоречия между тем, что договор об игре является ничтожным и в то же время создает натуральное обязательство, нет. Используя категорию натуральных обязательств, французское законодательство признает юридическую силу за последствиями недействительных сделок^[215]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.